

своих рассказах выступает как большой самобытный художник, который вкладывает в них новое современное содержание, ставит новую социальную проблематику, поднимает проблему необходимости борьбы против колониального засилья. По мнению критиков, его рассказы на хинди, начиная с конца десятих годов, отличаются композиционной стройностью, жанрово-стилистической завершенностью. В этом рассказе новеллист, используя емкость слова, значения, лаконичность фразы, достигает не толь-

ко выразительности, но и вносит оттенки юмора, сатиры, иронии. В бенгальской литературе рассказы Тагора появляются еще раньше, в конце XIX века.

В XIX веке число коротких рассказов, как считают некоторые критики, росло довольно быстрыми темпами. Постепенно стали выделяться короткие рассказы по степени проявления в них черт психологизма, социальной направленности, лиризма, публицистичности и др.

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XIX ВЕКОВ

МУХТАРОВ ТИМУР

Доктор филологических наук, профессор, ТашГИВ

САИДОВА НАРГИЗА

Старший преподаватель, ТашГИВ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы взаимодействия фольклора и литературы на примере «Повести о мужчинах, верных в любви» Пети де ля Круа – любопытном образце восточной темы в литературе Европы в XIX в.

Опорные слова и выражения: ориентальная тема, хикаят, модуляция, гнестикуляция.

Аннотация. Мазкур мақолада Пети де ля Круанинг XIX аср Европа адабиётида Шарқ мавзусининг ажиб намунаси бўлган “Севгига содиқ эркаклар ҳақида қисса”сида фольклор ва адабиётнинг ўзаро таъсири ёритилади.

Таянч сўз ва иборалар: ориентал мавзу, ҳикоят, модуляция, гнестикуляция.

Abstract: This article describes issues of folklor and literature in the «Novel about men loyal in love» by Pet Lya Krua cirious sample of «oriental» theme in Western literature of the 19th century.

Keywords and expressions: oriental theme, modulation, hikayat, gnestikulation.

Исторические закономерности развития Европы в XIX веке определили её глубокий интерес к странам народов Востока. Правда, интерес этот возник ещё в средние века, в эпоху крестовых походов, и с тех пор, то угасая, то разгораясь с новой силой, прослеживается в европейской литературе, претерпев своеобразную эволюцию.

«Повести о мужчинах, верных в любви» интересный образец «восточной» темы в европейской литературе представляют собой цикл занимательных рассказов (часто их называют сказками), объединённых в единое рамочным сюжетом¹.

¹ Гринцер Г. А. О современной повести в восточных литературах. – М., 1963; Минечулов Х. Ю. Татарская

Своими корнями повести (хикаяты) уходят в персоязычный фольклор, ибо составляющие их рассказы, как порознь, так и подобранные по тематике, передавались из уст в уста многими поколениями. По мере распространения грамотности и проявления интереса к фольклору в литературных кругах такие произведения стали записывать, слагать воедино в специальные, для них предназначенные тома, или же включать в сборные рукописи, содержащие сочинения иных жанров. Ещё в VI веке, то есть до арабского завоевания, был, например, составлен свод «Хазар афсона» – «Тысяча сказок», а в начале XIII века Мухаммад Ауфи систематизировал и литературно обработал бывшие в ходу рассказы, анекдоты, притчи озаглавив созданную им книгу «Дшавами ал-хикаятва лавами ар-риваят» – «Сборник рассказов и подборка повествований»¹.

Необходимо отметить, что запись того или иного рассказа отнюдь не означала канонизации текста. Устный вариант этого же рассказа продолжал существовать по законам фольклорного произведения. Переходя из страны в страну, меняя язык трансформируясь в зависимости от вкусов рассказчика и запросов аудитории. Этот текст продолжал существовать

Однако, до тех пор пока сохранялась стержневая линия, основная идея, главная его тема, сюжет был узнаваем. Это наблюдение можно проиллюстрировать целым рядом параллелей к занимательным рассказам из арабских и персидских циклов².

литература и восточная классика. – Казань, 1993; Туманович Н. И. Обрамлённые повести и хикаяты персидско-таджикского фольклора. – М., 1988.

¹ Герхардт М. Искусство повествования. – М., 1984; Горстер А. К литературной истории «1001 ночи» // Юбилейный сборник в честь Вс.Ф. Миллера. – М., 1900.

² Типология и взаимосвязи литератур древнего мира // Сборник статей. – М., 1971; Мухтаров Т. Предисловие к сказкам 1001 ночи. – Т., 1999; Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. – М. 1974.

Высказанные соображения имеют непосредственное отношение к истории создания «Повестей о мужчинах, верных в любви», с которой европейская публика познакомилась в самом начале XVIII века. Книга вышла из-под пера Пети де ля Круа и была опубликована в Париже под заглавием «1001 день», о композиционном оформлении обоих произведений, а также о намерении Пети де ля Круа завоевать интерес читателей в такой же степени, как перевод арабских сказок, выполненный незадолго перед тем Голлапом³. В предисловии к публикации «1001 дня», говорилось, что перевод (Пети де ля Круа представлял себя в качестве переводчика) основан на персидском оригинале повестей, полученных Пети де ля Круа в 1675 году, во время пребывания в Иране от исфаханского старца – суфия Мухлиса, который в молодости занимался литературным трудом и был автором книги. К сожалению, персидская рукопись была утрачена.

Публикация привлекла внимание читающей публики; тираж был быстро распродан, и в ближайшие годы последовал ряд переизданий (1711, 1712, 1729, 1760 и др. годах) были сделаны переводы с французского на немецкий, английский, итальянский, русский и другие языки. Одновременно с ростом популярности книги всё шире распространялись толки, что перевод – литературная мистификация и что автор повести «1001 день» – сам Пети де ля Круа. Надо сказать, что основания для такого суждения были и не только потому, что персидский оригинал был потерян Пети де ля Круа: он настолько свободно владел восточными языками, что ещё в 1670-х годах составил по-арабски «Историю кампании Людовика XIV Голландии», а в 1708 году переведённая им на

---

³ Крымский А. Вступительный очерк «Исследование о 1001 ночи, о её составе, возникновении и развитии»; И. Эструна. Труды по востоковедению. – М., 1905. Вып. 8; Книга тысячи и одной ночи; перевод вступительная статья М. А. Салье под ред. акад. И. Ю. Крачковского со статьёй М. Горького «О сказках» и с предисловием акад. С. Ольденбурга. – М., Л., 1929.

персидский «История Людовика XIV» была преподнесена шаху Хусейну. Зная об этом скептики полагали, что «1001 день» – «переделка 1001 ночи», а критики, настроенные более категорически утверждали, что поскольку ни на арабском, ни на турецком, ни на персидском языках им неизвестна повесть под названием «1001 день», стало быть автором последней может быть только Пети де ля Круа.

С течением времени вопрос об авторстве Пети де ля Круа применительно к повести «1001 день» был рассмотрен исследователями более детально. По мнению А. Крымского, на Востоке нет никого сборника под названием «1001 день», французский ориенталист В. Шовен в одном из трудов, опубликованном в 1900 году, также считает, что «1001 день» написан на основе персидских и турецких рассказов самим Пети де ля Круа¹.

Прежде чем выразить своё личное отношение к авторству «1001 дня», кратко остановимся на структуре и содержании сборника. Обрамляющую часть «1001 дня» составляет повесть о том, как дочь кашмирского царя Тогрулбея – Фаррухназ после увиденного сна возненавидела мужчин и решила не выходить замуж. Затем повествуются различные приключения с участием Симурга, иранского царевича Фаррухтадаи др.

Для изменения предвзятого отношения девушки к мужчинам няня рассказывает различные истории (хикаяты). Эти важные повести составляют 6 циклов: «Об Абулькосиме Басриянине», «О царе Рузваншаде и царице Тегеристане», «О Кулуфе и прекрасной Диларе», «О ШахзадеКарафе и о китайской царевне», «О царе Бедреддин Лале и визире его... Печальном Атамулюке». Почти все циклы состоят из нескольких вставных рассказов. Так, например, шестой цикл окаймлён сюжетом о Харун ар-Рашиде, а внутри него – 3 самостоятельных хикаята.

По своей композиционной структуре «1001 день» напоминает «1001 ночь»: обрамлённая композиция, циклы, вставные рассказы; циклы, как правило, тоже обрамляются и охватывают хикаяты разных уровней. Как известно, в «1001 ночи» хикаяты рассказывает Шахерезада, а Шахрияр лишь слушает. В «1001 дне» эти функции разделены между Фаррухназ и воспитательницей. Но ситуация в этих сборниках различна: Шахрияр не верит женщинам, Фаррухзад – мужчинам; судьба Шахерезады критическая, а воспитательнице не угрожает никакая опасность.

Под влиянием словесного искусства Шахрияр постепенно отказывается от своих предубеждений к женщинам. А рассказы воспитательницы не достигают поставленной цели. Распределение рассказов воспитательницы по «дням» почти такое же, как и в «1001 ночи». Хикаяты и циклы, как правило, не начинаются «днём» и не заканчиваются ими. Нет «дней» совпадающих с хикаятами. В «1001 ночи» иногда встречаются ночи, вмещающие в себя два-три рассказа. В «1001 дне» такого явления не наблюдается. «1001 день» не только по своей структуре, но и в обработке материала продолжает традиции «1001 ночи». Многие сюжеты сборника генетически восходят к различным фольклорным и письменным источникам Востока, в том числе и к «1001 ночи», «Калиле и Димне», «Тутинаме» и другим обрамлённым памятникам. Так, например, рассказ «Об Ренсимае», помещённый в последнем цикле, по своему содержанию напоминает рассказ «О кази и его благочестивой жене» из «1001 ночи».

Хикаят «О знаменитом путешественнике Абд Фарисе» по многим эпизодам близок к приключениям Синдбада-морехода из «1001 ночи». Суть образов Харун ар-Рашида в обоих сборниках тоже близка друг к другу.

В целом сходств и параллелей в «1001 ночи» и в «1001 дне» много. Это естественно, потому что «1001 день» составлен позднее «1001 ночи». Но, несмотря на это, «1001 день» не является вариантом «1001 ночи», а считается памятником самостоятельной идейно-эстетической значимости.

¹ Туманович Н. И. К вопросу о сложении повести 1001 день // Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. – М., 1982. Ч. 2. – С. 52–56.

Вышеуказанное, на наш взгляд, снимает вопрос о вероятности литературной мистификации Пети де ля Круа. Очевидно, что переводчик «Повестей о мужчинах, верных в любви» имел в своём распоряжении сборник персидских занимательных рассказов, имевших длительное устное хождение.

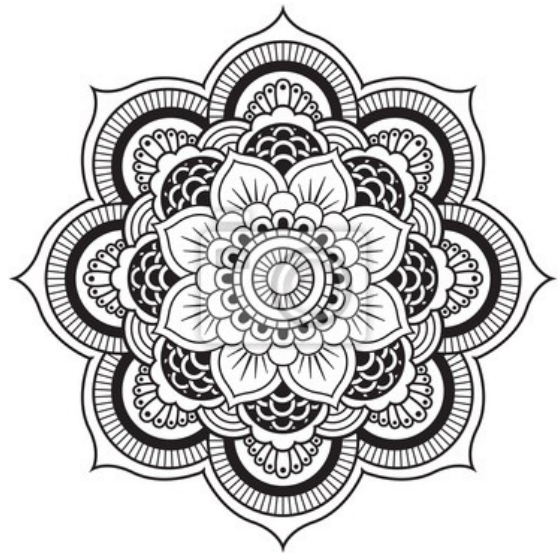
Будучи добросовестным переводчиком и сохранив сюжетную линию каждого из занимательных рассказов, Пети де ля Круа подобрал сюжеты на извечную тему – о верности мужчин в любви.

Тем самым, повести в целом как бы противопоставляются персидским книгам о женском коварстве – «Тутинаме» и «Бахтиярнаме». Французский ориенталист, большой знаток Востока Пети де ля Круа, по-видимому, представлял себе, насколько тускнеет персидский занимательный рассказ, лишённый выразительных средств разговорной речи профессиональной модуляции голоса, интонаций, пауз, мимики, гнестикующий. На взгляд европейца, жаждущего найти в образах персидской народной литературы яркие краски, экзотику, текст рассказов в его чистом виде мог показаться несколько суховатым, даже монотонным. Не желая обманывать читателей в их ожиданиях, с одной стороны, и следуя традиции профессиональных рассказчиков – с другой, Пети де ля Круа дополнил текст описаниями восточной одежды, внешности персонажей, быта и другими подробностями, которые были интересными его соотечественникам.

Пети де ля Круа привнёс в текст и познавательный элемент. В частности упоминанием о керентах и пайманах «1001 дне». Заслуга во всём этом именно Пети де ля Круа: в рукописях хикаятов эти названия не зафиксированы¹. Пети де ля Круа параллельно с книгой «1001 день» работал над арабо-персоязычными историческими трудами XIII–XV вв., где о племенах керейтов и найменов подробно говорится о молодости Чингизхана.

Следует заметить, что задача, которую поставил перед собой Пети де ля Круа – увлечь европейского читателя была не так просто, именно потому, что интерес к Востоку достиг в XVIII веке небывалого размаха. Туда устремились миссионеры, чиновники, купцы. Случалось, что европейцы поступали на службу при дворах восточных правителей.

Были изданы описания путешествий французов, немцев, голландцев по странам Востока. В этой связи можно говорить о «романтическом ориентализме» как способе литературного освоения Востока европейскими писателями. В хлынувшем на книжный рынок потоке публикаций, заурядная книга легко могла остаться незамеченной, однако судьба труда де ля Круа сложилась очень удачно. Успех, которым пользовалась публикация Пети де ля Круа, свидетельствует о том, что созданный им сплав был принят современниками с интересом. Даже сказочная форма «1001 дня» не противоречит тому, что читатель извлекал из этого произведения правду о жизни и правах Востока, поскольку и в сказках, как известно отражаются черты реальности.

¹ Туманович Н.И. К вопросу о сложении повести «1001 день». Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. – М., 1982.